

ДЖОН РОБЕРТ СИЛЛ

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ!

Величайшие империи человечества

Джон Сили

**Британская империя.
Разделяй и властвуй!**

«Алисторус»

2013

УДК 94(3)
ББК 63.3

Сили Д. Р.

Британская империя. Разделяй и властвуй! / Д. Р. Сили —
«Алисторус», 2013 — (Величайшие империи человечества)

Самая большая в истории человечества империя, над которой, как любили говорить англичане, «никогда не заходит солнце», несколько столетий фактически правила миром. «Разделяй и властвуй!» – был девиз британских завоевателей, которые огнем и мечом строили свою империю на всех материках: в Европе и Америке, Азии и Африке. Эта книга, названная современниками автора «Библией британского империализма», даст читателю представление об истории Британской империи от начала ее становления до блистательной викторианской эпохи. Здесь и история ее побед, и перечень поражений, самым чувствительным из которых стало отделение от Британии Североамериканских Штатов.

УДК 94(3)
ББК 63.3

© Сили Д. Р., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Лекция 1	6
Лекция 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джон Роберт Сили
Британская империя. Разделяй и властвуй!

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Лекция 1

Основная тенденция английской истории

Я твердо держусь того принципа, что история, оставаясь научной в своем методе, должна преследовать практическую цель. Другими словами, она должна не только ознакомить читателя с прошлым, но и выработать его взгляд на настоящее, его представление о будущем. Если этот принцип правилен, то изучение английской истории должно заканчиваться некоторым поучением: из него должны вытекать широкие выводы, оно должно представлять в таком виде общую тенденцию всех событий Англии, чтобы дать нам возможности мыслить о будущем и предугадывать предназначенную Англии судьбу. Для англичан это тем более важно, что роль их родины в мировых событиях нисколько не уменьшается по мере развития истории.

Таким странам, как Голландия и Швеция, простиительно считать свою историю в некотором смысле законченной. Когда-то они были велики, но условия их величия исчезли, и в настоящее время они занимают лишь второстепенное место. Поэтому их интерес к своему прошлому имеет или сентиментальный, или чисто научный характер; единственный практический урок, вытекающий для них из истории, это урок отречения от широких замыслов. Англия же неуклонно становилась все больше и больше, по крайней мере, абсолютно, если не всегда относительно. В настоящее время она гораздо больше, чем была в восемнадцатом столетии; в восемнадцатом столетии она была больше, чем в семнадцатом; в семнадцатом – больше, чем в шестнадцатом. То удивительное величие, которого она достигла, делает для нее вопрос о будущем крайне важным и вместе с тем тревожным, ибо очевидно, что громадное колониальное расширение английского государства подвергает его новым опасностям, от которых прежде, будучи незначительным островом, оно было свободно.

Поэтому интерес английской истории должен неуклонно увеличиваться вплоть до настоящего времени, а так как будущее вырастает из прошлого, то история прошлого Англии должна заключать в себе пророчества относительно ее будущего.

Между тем наши авторы популярных книг по истории, по-видимому, смотрят на это иначе. Еще Аристотель говорил, что драма завершается, а эпическая поэма оканчивается постепенно. История Англии в том виде, как она популярно излагается, не только не имеет определенного развития, но так постепенно сходит на нет, делаясь все бледнее и бледнее, скучнее и скучнее, что можно думать, будто Англия, вместо того чтобы неуклонно делаться могущественнее, уже целое столетие или два умирает от старческой дряхлости. Но может ли это быть так? Можно ли допустить поток затеряться и испариться среди песчаной пустыни? Вопрос этот приводили на память следующие строки Вордсворта:

It is not to be thought of that the flood
Of British freedom, which to the open sea
Of the world's praise, from dark antiquity
Hath flowed «with pomp of waters unwithstood»,
Roused though it be full often to a mood
Which spurns the check of salutary bands,
That this most famous stream in bogs and sands
Should perish, and to evil and to good
Be lost for ever.¹

---

¹ Нельзя и подумать, что великий поток британской свободы, с торжеством катящийся из древнего мрака свои непреодолимые воды в открытое море мировой хвалы, разрывая с гневом свои оковы, чтобы этот поток затерялся в песках и болотах и погиб навсегда как для зла, так и для добра (англ.).

Эта печальная судьба, о которой не смеет подумать поэт, постигает если не самый поток британской свободы, то его отражение в наших популярных исторических сочинениях.

Положим теперь, что мы хотим исправить эту ошибку; как в таком случае мы должны поступить? Такой вопрос не мешает задать себе в начале учебного года студентам-историкам, особенно тем из них, для которых этот год является началом их академического курса.

Вас просят подумать об истории Англии в ее целом и посмотреть, не найдете ли вы в ней какое-нибудь значение, какую-нибудь систему, не сможете ли вы формулировать те выводы, к которым она приводит. До сих пор вы, может быть, учили имена, года, перечисление королей, битв и войн. Настает время, когда вы должны задать себе вопрос: для чего изучалось все это? Для какой практической цели собраны и запечатлены в памяти все эти факты? Если они не ведут к великим истинам, имеющим одновременно и общенаучное, и важное практическое значение, то история – не больше, как забава, и едва ли она может стать в ряду с другими науками.

Всякого, кто долго занимался историей, преследует идея развития и прогресса. Мы непрерывно двигаемся вперед, каждый в отдельности и все вместе. Англия в настоящее время уже не та, какой была при Стюартах или при Тюдорах. История последних столетий особенно подтверждает взгляд, что это движение прогрессивно, что оно клонится к чему-то лучшему. Но как определить и как измерить это движение? Если мы желаем изучать историю в том рациональном духе, с той определенной целью, какую я рекомендую, мы должны серьезно остановиться на этом вопросе и прийти к какому-либо его разрешению. Мы не должны довольствоваться теми неопределенными цветистыми заключениями, какими историки старой школы, погубившие себя исключительно повествовательным направлением, привыкли, ради формы, оканчивать свои писания.

Эти неопределенные цветистые заключения состоят обыкновенно из ссылки на так называемое поступательное движение цивилизации. Точного определения понятия цивилизации при этом не дается; о ней говорится метафорами, как о свете, о дне, постепенно подвигающемся от бледного рассвета к своему полудню; ее противопоставляют отдаленному неопределенному периоду, называемому «сумраком времен». Но будет ли свет цивилизации становиться все ярче и ярче или, подобно действительному дневному свету, перейдет постепенно в сумерки, после которых настанет ночь; не исчезнет ли он на время вследствие внезапного затмения, как это было со светом цивилизации Древнего мира? Все эти вопросы остаются без ответа. Да и какого ответа можно ожидать от теории, не имеющей в себе ничего серьезного и созданной ради риторических прикрас?

Эта теория цивилизации представляет очень хороший пример плохого философствования. Нужно объяснить целую массу явлений, о которых неизвестно даже, принадлежат ли они к одному и тому же роду, но которые вступают в поле зрения в одно и то же время, – и что же? Все эти явления покрываются одним словом, которое, подобно сети, связывает их. Определять это слово тщательно избегают и, говоря о нем, употребляют метафоры, дающие понять, что оно означает живую силу, имеющую неведомые неограниченные свойства, так что достаточно малейшего намека на нее, чтобы объяснить самые удивительные, самые разнообразные явления. Так поступают со словом «цивилизация». Его употребляют для объяснения множества явлений, не имевших, по-видимому, другой связи между собою, кроме частого одновременного проявления в истории; сюда относят смягчение нравов, технические изобретения, религиозную терпимость, появление великих поэтов и художников, научные открытия, конституционную свободу. Предполагается, хотя никогда не было доказано, что все это составляет одно целое, имеет одну скрытую причину, а именно: действие духа цивилизации.

Без сомнения, можно, принявшись за эту теорию, придать ей более связный вид. Мы могли бы исходить из одного принципа – из свободы мысли, и проследить все последствия,

могущие произойти от нее. И научные открытия, и технические изобретения, при наличии некоторых других условий, могут явиться результатом свободы мысли; открытия и изобретения, сделавшись общим достоянием, изменяют образ человеческой жизни, придав ей более сложный, современный характер; такую перемену мы можем назвать поступательным движением цивилизации. Но политическая свобода не имеет никакого отношения ко всему этому. В Афинах была свобода до Платона и Аристотеля, а потом она исчезла; в Риме была свобода в то время, когда мысль была груба и невежественна, и наступило рабство, когда мысль стала просвещенной. Поэтический гений также не имеет отношения к свободе мысли: поэзия в Афинах падает, лишь только там начинается философия; в Италии был Данте до эпохи Возрождения, но не было Данте после нее. Если мы подвергнем тщательному анализу то неопределенное суммарное целое, которое мы называем цивилизацией, то найдем, как указывает и происхождение слова, что главную его часть составляют элементы, вытекающие из соединения людей в гражданские общества или государства; однако надо помнить, что другая часть этого целого только косвенно связана с этими элементами и более непосредственно зависит от иных причин. Развитие науки, например, является очень важным элементом цивилизации, но, как я только что указал, оно не изменяется в постоянном соответствии с изменением гражданского благоустройства, хотя в большинстве случаев для развития его требуется известный его *modicum*. Нельзя забывать, что область воздействия законов и королей на человеческий удел крайне ограничена. В связи с этим история может выбрать себе или более широкую, или более узкую функцию – она может взять на себя или исследование всех причин человеческого благосостояния, или же ограничиться гражданским обществом и той стороной человеческого благосостояния, которая зависит от него. По какой-то безотчетной традиции историки обыкновенно выбирали последнее. Проглядите все известные исторические сочинения, и вы увидите, что авторы их всегда, более или менее сознательно, ставили на первом плане государство, правительство, их внутреннее развитие, их взаимные отношения. А между тем совершенно верно, что события этого рода не всегда бывают самыми важными событиями в истории человечества. В период, описанный Фукидидом, может быть, самыми важными явлениями были философская деятельность Сократа и артистическая – Фидия, а между тем Фукидид ничего не говорит ни о том, ни о другом; он распространяется о войнах и интригах, которые в настоящее время кажутся мелочными. Это не есть результат узости взгляда. Фукидид живо сознает беспримерную славу города, который он описывает, но он согласен обсуждать эту славу только постольку, поскольку она является результатом политических причин, о чем свидетельствует и приведенная цитата. Он с известной целью и обдуманно ограничивает себя определенными рамками. Дело в том, что для успешности работы необходимо делить и подразделять поле исследования. Если вы обсуждаете все сразу, то, конечно, у вас является блестящее разнообразие сюжетов, но вы не достигаете успеха; если же вы желаете получить результат, то должны сосредоточить свое внимание на одном ряде явлений. Мне кажется благоразумнее удерживать историю в ее старинных пределах и обсудить отдельно важные стороны, опущенные из этой схемы. Итак, я признаю, что история должна иметь дело с государством, что она должна рассматривать рост и изменения организованного общества, общества, действующего через посредство должностных лиц или народных собраний. По самой природе государства каждое лицо, живущее на известной территории, обыкновенно считается его членом; но история занимается отдельными личностями только в качестве членов государства. Тот факт, что кто-либо в Англии делает научное открытие или пишет картину, сам по себе не является событием в истории Англии. Отдельные личности имеют значение в истории не по своим внутренним заслугам, а по своему отношению к государству. Сократ был гораздо более велик, чем Клеон, но Клеон играет более

значительную роль в истории Фукидида. Ньютон был более великим человеком, чем Гарлей,² а между тем Гарлей приковывает к себе внимание историка царствования королевы Анны.

После этого объяснения вы видите, что предложенный мною вопрос: каково общее направление, или какова цель истории Англии? – гораздо определеннее, чем это могло казаться с первого взгляда. Задавая его, я не имел в виду ни общего прогресса, предстоящего повсюду, а следовательно, и в Англии, человеческой расе, ни даже тех его явлений, которые исключительно свойственны Англии во всем объеме этого понятия. Ибо под Англией я подразумевал только государство или политическое общество, имеющее место своего пребывания в Англии. При таком строгом ограничении вопроса он может показаться вам менее интересным; может быть, это и так, но зато он становится гораздо более доступным обработке.

Итак, в каком же направлении, к какой цели подвигалось английское государство? В ответ на этот вопрос готовы сорваться слова: «свобода», «демократия». Но словам этим сильно недостает определенности. Свобода, несомненно, представляла главную черту, отличавшую Англию от континентальных государств, но по существу свобода для Англии была не столько целью, к которой она стремилась, сколько достоянием, которым она давно уже пользуется. Уже борьба семнадцатого столетия даровала или, во всяком случае, обеспечила за Англией свободу. Позднее в Англии происходит движение, которое часто, хотя и не вполне правильно, называют движением за свободу и что мы, если угодно, можем назвать демократизацией. Существует ходячее мнение, что в новейшей английской истории, если в ней вообще можно подметить определенную тенденцию, сказалось только одно стремление к демократизации – стремление, благодаря которому сначала средний класс, потом постепенно и низшие классы получали долю влияния в общественных делах.

Несомненно и с достаточной ясностью эта тенденция обозначилась лишь в девятнадцатом столетии; в восемнадцатом она едва заметна: в то время можно было проследить только самое ее начало. Она особенно обращает на себя наше внимание потому, что долгое время была главным предметом политических разговоров и споров. Но история должна смотреть на вещи с некоторого расстояния и обозревать более широкое поле. Если мы с отдаления проследим за последние века прогресс английского государства – этого большого управляемого общества английской нации, то нас гораздо больше поразит другое изменение; будучи не только значительнее, но даже и заметнее, оно обсуждалось гораздо меньше, так как происходило более постепенно и не возбуждало сильной оппозиции. Я имею в виду простой и наглядный факт распространения английского имени в других странах земного шара – основание Великой Британии.³

Есть нечто крайне характерное в том индифферентизме, с каким англичане относятся к могучему явлению разлития их расы и расширения их государства. Они покорили и заселили полсвета, как бы сами не отдавая себе в том отчета. И, совершая это громадное дело в восемнадцатом столетии, они не дали ему затронуть свое воображение и оказать влияние на их образ мыслей. Даже и теперь они продолжают считать себя просто расою, занимающей остров на запад от европейского материка. Самая манера выражаться постоянно изобличает, что они не считают колонии своей действительной принадлежностью; так, когда их спрашивают о размере английского населения, им и в голову не приходит включать в него население Канады и Австралии. Этот укоренившийся взгляд, мне кажется, повлиял и на наших историков: бла-

---

² Harly – государственный человек времен королевы Анны (начала XVIII века), глава ториев, враг Мальборо.

³ Выражение «Greater Britain» в буквальном переводе означает «Более великая Британия», выражение создано возведением в сравнительную степень названия «Great Britain» – Великобритания – и означает Англию со всеми ее колониями и Индией. Ввиду непереводаемости буквально этого выражения предупреждаю читателя, что везде дальше выражение «Great Britain» переводится Великобритания, а выражение «Greater Britain» – Великая Британия. Соответственно выражения «Great France», «Great Spain» и т. п. переводятся: «Великая Франция», «Великая Испания» и означают эти страны в совокупности с их владениями вне Европы.

годаря ему они упускают верную точку зрения при описании восемнадцатого столетия. Они придают слишком большое значение парламентской борьбе и агитации за свободу, т. е. событиям, которые в восемнадцатом столетии являлись лишь слабым отражением событий семнадцатого. Они не замечают, что в том столетии история Англии разыгрывается не в Англии, а в Америке и в Азии. Я точно так же убежден, что, рассматривая настоящее положение дел и еще более заглядывая в будущее, мы должны остерегаться слишком выдвигать на первый план собственно Англию, чтобы не потерялось на заднем плане картины то, что мы называем английскими владениями.

Позвольте же мне с некоторой точностью описать перемену, о которой я говорю. В последние годы царствования королевы Елизаветы (1558–1603) Англия не имела положительно никаких владений вне Европы, потому что все колониальные проекты, начиная с попытки в царствование Генриха VIII и до попыток Джильберта и Ралея (Gilbert, Raleigh),⁴ были одинаково неуспешны. Самой Великобритании еще не существовало: Шотландия была отдельным королевством, а в Ирландии англичане составляли лишь колонию среди чуждого населения, жившего в родовом быте. Со вступлением на престол Стюартов начались одновременно два процесса, из которых один закончился при королеве Анне, последнем члене этой династии, другой же продолжается с тех пор непрерывно. Первый процесс состоял во внутреннем соединении трех королевств, и хотя технически он завершился гораздо позже, но может считаться делом семнадцатого столетия и династии Стюартов. Второй процесс – создание Великой Британии, заключающей в себе громадные владения за морем, – начался с дарования хартии Виргинии в 1606 году.⁵ В семнадцатом столетии он сильно подвинулся, но только в восемнадцатом пред лицом целого мира предстала Великая Британия в ее гигантских размерах, с ее обширной политикой. Посмотрим, что она представляет из себя в настоящее время.

Оставляя в стороне некоторые мелкие владения, имеющие главным образом характер морских или военных станций, мы находим, что Великая Британия состоит, кроме Соединенного королевства, из четырех территорий, населенных преимущественно англичанами и подвластных короне, и пятой большой территории, также подвластной короне и управляемой английскими должностными лицами, но с населением совершенно чуждой расы. Первые четыре суть: 1) область Канады (Dominion of Canada);⁶ 2) Вест-Индские острова, к которым я причисляю и некоторые территории на континенте Центральной и Южной Америки; 3) группа южноафриканских владений, из которых самое значительное – Капская колония, и 4) австралийская группа, к которой, ради удобства, я должен прибавить Новую Зеландию. Пятое – зависимое владение – есть Индия.

---

⁴ Gilbert – мореплаватель, исследовавший восточный берег Северной Америки и устье реки Св. Лаврентия (во 2-й половине XVI века). Известный любимец Елизаветы, государственный деятель и литератор Ралей предложил основать впервые постоянную колонию на восточном берегу Северной Америки; основанная им колония Виргиния, не просуществовав 10 лет, погибла в 1590 году.

⁵ В этом году Яковом I была дана первая хартия, именно хартия на право заселения Виргинии, так называемой Лондонской компании.

⁶ Под именем «Dominion of Canada» понимаются все владения Англии на север от Северо-Американских Соединенных Штатов, слагающиеся из ряда областей: Квебек, Новая Шотландия, Новый Брауншвейг и др.

Британская империя

Прежде всего посмотрим на население этих областей. Колонизация началась сравнительно недавно, и потому население во многих местах редко. Области Канады с Ньюфаундлендом в 1881 году имели несколько больше четырех с половиной миллионов жителей, то есть население их равнялось приблизительно населению Швеции. Вест-индская группа обладала населением, превышавшим полтора миллиона, то есть обладала почти таким же населением, какое в то время имела Греция. Южноафриканская группа – около миллиона и трех четвертей, но из них европейской крови значительно менее половины. Австралийская группа вмещала в себя около 3 миллионов, т. е. несколько превосходила Швейцарию. Это составит в общем десять и три четверти миллионов, или около 10 миллионов английских подданных европейской и, главным образом, английской крови, живущих вне Британских островов.⁷

Население обширного, зависимого владения Индии равнялось почти ста девяноста восьми миллионам, а туземные государства, признающие верховную власть Англии, имели около пятидесяти семи миллионов. Все вместе составит население, приблизительно равное населению всей Европы, за исключением России.

Во всяком случае, нам сразу бросается в глаза, что огромное население Индии не составляет части Великой Британии в том смысле, как те десять миллионов англичан, которые живут вне Британских островов. В жилах этих десяти миллионов течет английская кровь, и потому они связаны с Англией самыми тесными узами. Население Индии принадлежит чуждой англичанам расе и религии; оно соединено с Англией лишь связями завоевания. Еще подлежит вопросу, увеличивает ли в настоящее время обладание Индией могущество Англии, и вообще может ли оно его увеличить когда-нибудь; а между тем нет никакого сомнения, что факт обладания Индией чрезвычайно повышает грозящие Англии опасности и ее ответственность. Колониальная империя находится совершенно в ином положении: она располагает основными условиями устойчивости. Существуют вообще три связи, соединяющие государства: общность расы, общность религии и общность интересов. Двумя первыми связями английские колонии, очевидно, связаны с Англией, и одно это делает уже связь их прочной. Эта связь делается

⁷ Мною оставлены без изменения цифры, приводимые автором, почему считаю нужным сообщить, что в настоящее время, т. е. через 20 приблизительно лет, они представляются в следующем виде. Область Канады насчитывает 5 500 000 ж. Вест-индская группа – 1 900 000 ж. Южноафриканская группа – 4 000 000 ж. Австралийская группа – 7 475 000 ж. Всего – 19 150 000 ж. Кроме того, к владениям Англии надо прибавить 37 000 000 ж. в Африке вне южной группы африканских колоний. Точная цифра белых в этих областях ничтожна.

неразрывной, если окажется, что и общность интересов существует между ними, а убеждение в этом в настоящее время, по-видимому, растет. Когда мы думаем о Великой Британии будущего, мы должны гораздо больше иметь в виду колониальную, чем Индийскую империю.

Это соображение делается особенно важным, если мы оцениваем империю не по ее населению, а по площади ее территории. Десять миллионов англичан за морем уже представляют собою кое-что; но это почти ничто в сравнении с тем, что мы увидим в будущем, и даже в близком будущем, ибо эти десять миллионов разбросаны на громадном пространстве, которое заполняется с несравненно большей быстротой, чем растет население самой Англии. Я приведу расчет, который поможет вам оценить всю важность этого обстоятельства. Густота населения Великобритании выражается 125 жителями на квадратный километр; в Канаде она менее полчеловека. Представьте себе на минуту, что густота населения Канады равняется густоте населения Великобритании, и вы увидите, что население этой области превысит биллион. Такое положение дел, без сомнения, настанет еще очень не скоро, но все же громадный прирост населения не заставит себя долго ждать. Лет через пятьдесят число англичан, живущих за морем (если только империя не распадется), будет равно числу англичан, живущих на родине, и все вместе составит гораздо больше ста миллионов. Эти цифры, может быть, покажутся вам скорее поразительными, чем интересными. У вас может явиться вопрос: следует ли радоваться такому громадному росту расы, и не лучше ли было бы для Англии подвигаться вперед в нравственном и умственном отношении, чем в численности населения и в расширении владений? Не отличались ли в истории великими подвигами в большинстве случаев малочисленные нации? Я оставляю открытым вопрос относительно того, должна ли Англия радоваться своему распространению или сожалеть о нем. Еще не настало время отвечать на этот вопрос. Но одно совершенно ясно и теперь, – это громадность значения подобного роста. Дурно это или хорошо, но несомненно – это великий факт новой истории. Было бы величайшим заблуждением воображать, что он имеет исключительно материальный характер, то есть что он не влечет за собою никаких нравственных и умственных последствий. Люди не могут переменить своего местожительства, переселиться с острова на континент, с 50-го градуса северной широты к тропикам и на Южное полушарие, из старого общества в новую колонию, из громадных промышленных городов к сахарным плантациям и на пустынные овечьи пастбища в страны, где еще бродят первобытные, дикие племена, – не изменив своих понятий, привычек и своего образа мышления, даже не изменив отчасти, в течение нескольких поколений, своего физического типа. Мы уже знаем, что жители Виктории и Канады не вполне похожи на англичан, и можем ли мы думать, что в двадцатом столетии, когда население колоний сравняется с населением метрополии, – при условии, что связь между ними сохранится и сделается еще теснее, – сама Англия не подвергнется значительным видоизменениям и преобразованиям? Итак, к добру ли или к злу, но рост Великой Британии представляет собою событие громадной величины.

С точки зрения будущего это, очевидно, величайшее событие. Но событие может быть великим, будучи вместе с тем столь простым, что о нем мало что можно сказать: оно может почти не иметь истории. Именно так обыкновенно и смотрят на «исход» англичан; считают, что он произошел самым простым, неизбежным образом, что он представлял собою только беспрепятственное занятие пустых стран нацией, у которой оказался наибольший избыток населения и наибольшая морская сила. Я покажу, что это – громадное заблуждение; я покажу, что этот исход составляет пространную, полную и крайне интересную главу истории Англии. Я решаюсь утверждать, что в восемнадцатом столетии он определял весь ход событий, что главная борьба Англии от времен Людовика XIV до Наполеона была борьбой за обладание Новым Светом; только благодаря тому, что мы не замечаем этого, большинство из нас считает восемнадцатое столетие английской истории малоинтересным. Великим центральным фактом этого периода надо считать создание Англией в разное время двух различных колониальных импе-

рий. Судьба так сильно толкает Англию к занятию Нового Света, что, создав одну империю и лишившись ее, она создает вторую почти против своего желания.

Цифры, которые я вам сообщал, относятся исключительно ко второй английской империи, к той, которой Англия владеет и теперь. Когда я говорил о десяти миллионах английских подданных, живущих за морем, я не упомянул, что сто лет назад у Англии был ряд других колоний, достигших уже трех миллионов населения, что колонии эти отпали и образовали федеративное государство, население которого в течение столетия увеличилось в шестнадцать раз и в настоящее время равняется населению своей старой метрополии вместе с ее колониями. Перед нами величественное событие: Англия теряет империю, и из этой империи возникает новое государство, английское по расе и характеру, которое так быстро растет, что в течение одного столетия делается населеннее всех европейских государств, кроме России. Утрата американских колоний оставила в умах англичан сомнение и опасение, которые значительно определяют их взгляд на будущность Англии.

Если «исход» англичан составлял величайшее явление в Англии восемнадцатого и девятнадцатого столетий, то важнейшим вопросом ее будущего является вопрос о судьбе ее второй империи: можно ли предполагать, что с ней случится то же, что случилось с первой? В разрешении этого вопроса и лежит то поучение для англичан, которое, как я сказал вначале, должно вытекать из изучения английской истории.

За четверть века до декларации независимости Тюрго сказал: «Колонии подобны плодам: они держатся на дереве только до тех пор, пока не созреют. Как только Америка будет в силах о себе заботиться, она сделает то же, что сделал Карфаген». Неудивительно, что, когда это предсказание так замечательно сбылось, предложение, из которого оно было выведено, превратилось в умах англичан в доказанный принцип. В этом, без сомнения, лежит причина, почему они так равнодушно и без чувства удовлетворения смотрели на рост Второй империи. «Что нам за дело, – говорили они, – до ее обширности и быстрого роста? Она растет не для нас». И к убеждению, что удержать ее невозможно, они прибавили убеждение, что и не следует желать ее удерживать: историки американской войны с тем странным оптимистическим фатализмом, к которому историки вообще склонны, считали для себя обязательным заключение, что потеря колоний была не только неизбежным, но и счастливым для Англии событием. Я не стану теперь рассматривать, основательны ли подобные взгляды. Я хочу лишь указать на то, что в будущем перед Англией лежат две альтернативы и что выбор между ними является несравнимо важнейшим вопросом из всех, подлежащих ее решению. Четыре указанные группы колоний могут сделаться четырьмя независимыми государствами, причем два из них – области Канады и вест-индская группа – могут предпочесть не оставаться независимыми, а войти в состав Соединенных Штатов. Во всяком случае, английское имя и английские учреждения останутся в значительной мере преобладающими в Новом Свете, самое же отпадение может произойти так мирно, что отношения к прежней метрополии останутся дружественными. Однако подобное отпадение поставило бы Англию на уровень ближайших континентальных держав: она все еще имела бы значительное население, но население меньшее, чем Германия, и едва равное населению Франции, тогда как два государства – Россия и Соединенные Штаты – сделались бы величинами высшего порядка; у России было бы сразу вдвое большее население, чем у Англии, Соединенные Штаты очень скоро достигли бы того же. Торговля Англии подверглась бы новым опасностям.

Другая альтернатива – Англия окажется в силах совершить то, что так легко удалось Соединенным Штатам: она создаст федерацию из стран, отдаленных друг от друга. В таком случае она станет наряду с Россией и Соединенными Штатами, т. е. в первом ряду по численности населения и обширности территории, она окажется выше других континентальных государств. Мы ни в каком случае не должны принимать на веру, что это желательно. Величина не есть необходимое величие: оставаясь во втором ряду по величине, Англия, быть может, в

нравственном и интеллектуальном отношении займет место в первом; в таком случае лучше пожертвовать материальным величием. Не имея права предрешать вопрос, следует ли Англии удержать свою империю, мы тем не менее считаем крайне желательным прийти после серьезного обсуждения к тому или другому его положительному решению.

С целью достигнуть такого решения я предлагаю вам рассмотреть исторически ту тенденцию к расширению, которую так долго выказывает Англия. Мы воспитаем в себе более серьезное отношение к этому явлению, когда увидим, как глубоко, настойчиво и необходимо было оно в национальной жизни Англии; мы взглянем на него с большей трезвостью, когда убедимся, что отпадение первых колоний Англии явилось не естественным результатом расширения, подобно лопанью мыльного пузыря, а результатом временных, устранимых и уже устраненных условий.

Лекция 2

Англия в восемнадцатом столетии

В восемнадцатом столетии расширение Англии особенно быстро подвигалось вперед. Чтоб понять природу этого расширения и оценить, как много энергии и жизненности народа было на него потрачено, всего лучше ознакомиться с историей восемнадцатого столетия. История этого периода, если я не ошибаюсь, получит с этой точки зрения совершенно новый интерес.

Я постоянно замечаю и на популярных исторических сочинениях, и на случайных ссылках на восемнадцатое столетие, какое слабое и смутное впечатление оставил этот период в народной памяти. В большей части его мы не видим ничего, кроме застоя. Войны, по-видимому, не ведут ни к чему, и мы не видим проявления какой-либо новой политической идеи. Нам кажется, что период этот создал мало, и мы склонны, пожалуй, считать его счастливым, но отнюдь не достопамятным. Неясные фигуры Георга I (1714–1727), Георга II (1727–1760), долгое и бесцветное управление Вальполя (Walpole), Пельгама (Pelham),⁸ торговая война с Испанией, битва при Деттингене и Фонтенуа,⁹ скудоумный первый министр Ньюкестль (Newcastle), скучные распри из-за Вилькса,¹⁰ злосчастная американская война – повсюду мы находим отсутствие величия, прискорбную заурядность, плоскость и в людях, и в делах. Но всего больше недостает им единства.

Соответствующий период во Франции также не может похвалиться величием, но в нем есть единство; он понятен; мы можем определить его одним словом, как век приближения революции. Что же представляет собою восемнадцатое столетие в Англии, и к чему оно привело? Что приближалось тогда?

Но спрашивается: стоим ли мы на верном пути, чтоб открыть единство рассматриваемого исторического периода? Мы имеем несчастную привычку распределять исторические события по царствованиям. Мы делаем это механически даже и тогда, когда признаем или даже преувеличиваем незначительность монарха. Первые Георги были, по моему мнению, вовсе не так ничтожны, как часто предполагают, но даже и самый влиятельный монарх редко имеет право дать веку свое имя: много ошибочных понятий возникло из выражения «век Людовика XIV». Итак, прежде всего, приводя в порядок и подразделяя какой-либо период истории, мы должны отбросить такие бесполезные заглавия, как: «Царствование королевы Анны», «Царствование Георга I», «Царствование Георга II». Вместо них мы должны стараться установить деления, основанные на действительной стадии прогресса национальной жизни. Мы должны считать периоды не от короля до короля, а от одного великого события до другого. А чтобы сделать это, мы должны оценивать события, измерять их значение, что не может быть достигнуто без близкого с ними знакомства и тщательного анализа. Когда по отношению к какому-нибудь событию мы убедимся, что оно может стать в ряду руководящих событий национальной истории,

---

⁸ Орас Вальполь был первым министром 20 лет и руководил политикой при Георге I и частью при Георге II. Томас Пельгам, больше известный под именем герцога Ньюкестля, был первым министром в шестидесятых годах XVIII века, в царствование Георга III. При министерстве Вальполя он занимал высокий государственный пост.

⁹ Два выдающихся сражения во время войны за австрийское наследство. При Деттингене англичане, под предводительством короля Георга II, разбили союзные войска, при Фонтенуа (в Бельгии) они потерпели очень серьезное поражение от французов.

¹⁰ Интересное дело Вилькса вызвало коллизию между палатой, министерством и общественным мнением. Автор резких статей против министерства, Вилькс был обвинен и уехал в Париж; палата объявила его вне закона и исключила из своего состава. По возвращении в 1767 году Вилькс был несколько раз подряд избираем, несмотря на неутверждения палаты; затем приговорен к тюремному заключению, куда народ внес его на своих руках. По отбытии наказания Вилькс сделался членом палаты и видным политическим деятелем.

то мы должны приступить к расследованию причин, вызвавших его. Таким образом, каждое событие принимает характер определенного развития, а каждое такое развитие образует главу в национальной истории, которая получает название от руководящего события.

Для простой иллюстрации этого принципа возьмем царствование Георга III. Что за нелепость считать этот длинный шестидесятилетний период исторически единым только потому, что в продолжение всего этого времени королем был один человек! Какой же принцип при делении этого периода должны мы выставить вместо личности короля? Очевидно, великие события. Одна часть этого царствования составит самостоятельную главу, как период потери Америки, другая – как период борьбы с французской революцией. Но в истории нации бывают и мелкие, и крупные деления. Кроме глав, есть тома и части. И это должно быть так, ибо при ближайшем исследовании великих событий мы замечаем, что они связаны между собою; события, хронологически близкие, обладают сходством; они составляют группы, каждую из которых можно рассматривать как одно сложное событие; такие сложные события дают название частям точно так, как более простые события дают названия отдельным главам истории.

Европа в XVIII веке

В некоторых периодах истории процесс деления так легок, что мы совершаем его почти бессознательно. Значение событий бросается в глаза, и связь их очевидна. Читая о царствовании Людовика XV во Франции, вы чувствуете, что читаете о падении французской монархии. Но есть части истории, к пониманию которых не так-то легко найти ключ; в таких случаях появляются то недоумение и тот недостаток интереса, который англичане чувствуют, когда оглядываются на восемнадцатое столетие. В большинстве таких случаев виноват сам читатель:

он почувствовал бы интерес к данному периоду, если бы имел ключ к его пониманию; а чтобы найти ключ, надо искать его обдуманно.

Итак, нам предстоит взглянуть на великие события восемнадцатого столетия, рассмотреть каждое из них, с целью отметить точное его значение, а затем, сравнивая их между собою, раскрыть скрытую в них общую тенденцию. Говоря о восемнадцатом столетии, я выражаюсь неточно, так как имею, собственно, в виду период, начинающийся революцией 1688 года и кончающийся миром 1815 года. Какие же великие события случились во время этого периода? Революций не происходило. Из внутренних беспорядков мы знаем только два неудачных восстания якобитов в 1715 и 1745 годах. Произошла смена династии, но совершилась она спокойно, парламентским актом. Все крупные события одного рода – это внешние войны. Войны эти ведутся в большем масштабе, чем все предыдущие войны Англии со времени Столетней войны четырнадцатого и пятнадцатого веков. Они имеют также более формальный, деловой характер, чем прежние войны, потому что Англия впервые имеет настоящую армию и флот. Великий английский флот получил определенную форму во время республиканских войн, а начало английской армии, основанной на Mutiny Bill,¹¹ относится к царствованию Вильгельма III. Между революцией и битвой при Ватерлоо можно насчитать семь больших войн, которые вела Англия; самая короткая из них продолжалась семь лет, а самая долгая – около двенадцати. Из ста двадцати шести лет шестьдесят четыре года, то есть более половины, были заняты войной. Большой масштаб этих войн по сравнению с предыдущими явствует из того бремени, которое они наложили на страну. И до этого периода часто Англия вела войны, однако в начале его на ней не лежало сколько-нибудь значительного долга, – долг ее не доходил до миллиона; в конце периода, в 1817 году, государственный долг Англии возрос до 840 миллионов. При этом надо иметь в виду, что даже эта громадная сумма не выражает собою всех расходов на войны. 840 миллионов не выражают стоимости войн; они составляют только ту часть расходов, которую нация не могла сразу покрыть своими средствами; а средствами этими была выплачена сразу громадная сумма. Один этот долг, распределенный на 120 лет, составит ежегодный военный расход в семь миллионов, тогда как ежегодный расход на управление в течение большей части восемнадцатого столетия не превышал семи миллионов.

Этот ряд великих войн должен быть признан характерной чертой рассматриваемого периода, ибо войны не только начинаются с его началом, но, по-видимому, и прекращаются вместе с ним. После 1815 года у Англии были местные войны в Индии и войны в некоторых колониях, но за весь последующий период, равный половине рассматриваемого, Англия только раз вела европейскую войну, подобную тем войнам, какие в предыдущий период возникали семь раз, но и эта война продолжалась всего два года.

Сделаем краткий обзор этих семи войн. Прежде всего, возгорелась европейская война, в которую Англия была вовлечена революцией 1688 года. Война эта всем хорошо известна, ибо история ее изложена Маколеем. Эта война продолжалась восемь лет, от 1689 до 1697 года. Затем следует большая война, получившая название войны за испанское наследство; она останется навсегда памятна Англии благодаря победам герцога Мальборо (Marlborough).¹² Она продолжалась одиннадцать лет, от 1702 до 1713 года. Следующая большая война в настоящее время почти совсем забыта, так как она не выдвинула ни одного полководца и не достигла определенного результата. Однако мы все слышали о битвах при Деттингене и Фонтенуа, хотя, может быть, немногие из нас могли бы верно объяснить причину, вызвавшую эти сражения, и достигнутый ими результат. А между тем и эта война, так называемая война за австрийское наследство, длилась девять лет, от 1739 до 1748 года. Вслед за нею идет Семилетняя война,

¹¹ Вильгельм III Оранский правил Англией в 1694–1702 годы. Mutiny Bill – акт о возмущении – был издан по поводу мятежа в Шотландском полку и дал определенные военные законы английской армии.

¹² Любимец королевы Анны, герцог Мальборо одержал целый ряд побед над французами: в 1704 году – при Бленхейме, в 1709 году – при Ромильи и в 1709 году – при Мальплаке.

в которой мы, конечно, не забыли побед Фридриха. В английской части этой войны мы все помним один великий инцидент, битву на Авраамских высотах (Heights of Abraham), смерть Вульфа (Wolfe) и завоевание Канады.¹³ А между тем на примере этой войны можно также заметить, как сильно изгладилось из нашей памяти восемнадцатое столетие. Мы совершенно забыли, что эта победа была одной из длинного ряда побед, казавшихся современникам баснословными, опьянивших нацию славой и поставивших Англию на такую высоту величия, какой раньше она никогда не достигала. Мы уже забыли, что в продолжение всей остальной части восемнадцатого столетия нация смотрела на эти два или три блестящих года,¹⁴ как на счастье, которое никогда не повторяется, и как долго англичанин хвалился, что «язык Чатама¹⁵ был его родным языком, и великое сердце Вульфа было сердцем его соотечественника».

Это была четвертая война. Она представляет разительный контраст с пятой, о которой англичане молчаливо согласились упоминать как можно реже. Эта пятая война, называемая американской, тянулась, начиная с первых проявлений вражды и до Парижского мира, восемь лет, – от 1775 года до 1783 года, – велась она в Америке действительно довольно постыдно; но под конец она сделалась великой морской борьбой, в которой Англия боролась почти одна против всего света и из которой благодаря победам Роднея¹⁶ она вышла с несколько восстановленной репутацией. Шестая и седьмая суть две великие войны против революционной Франции, которые мы едва ли забудем, хотя нам следовало бы яснее разграничивать их между собою, чем мы это делаем. Первая продолжалась девять лет, от 1793 до 1802 года, вторая – двенадцать, от 1803 до 1815 года.

Немногим приходила мысль связать эти войны и попытаться найти в них единство плана и цели. Задавшись такой целью, мы прежде всего чувствуем себя безнадежно сбитыми с толку. В одной войне дело, по-видимому, идет об испанском, в другой – об австрийском наследстве и об имперской короне. Положим, здесь есть еще некоторое сходство; но какое отношение имеют эти вопросы о наследстве к заявленному испанцами праву обысков вдоль Мексиканского залива, к вопросу о границах Акадии,¹⁷ к принципам французской революции? Насколько случайными кажутся нам причины столкновений, настолько же поражает нас и характер разбросанности самих войн. Враждебные действия вспыхнули к Нидерландах или в сердце Германии, а война ведется где попало или повсюду: в Мадрасе, при устье реки Св. Лаврентия, на берегах Огайо. Маколей говорит о вторжении Фридриха в Силезию: «Чтоб он мог ограбить соседа, которого обещал защищать, чернокожие должны были сражаться на Коромандельском берегу, а краснокожие скальпировать друг друга у Великих озер Северной Америки». Такова сложность, которую представляют эти войны при первом взгляде.

Но присмотритесь поближе – и вы найдете в них некоторое единство. Так, из семи рассматриваемых войн Англии пять были с самого начала войнами с Францией, а остальные две,

¹³ Здесь имеются в виду решительные сражения и взятие гор. Квебека молодым генералом Вульфом, который сам был убит. Результатом его побед и, главным образом, занятия Квебека был переход к Англии французской колонии Канады.

¹⁴ Заметьте, что пишет о них спокойный Вальполь: «В это время почти не существовало интриг ни в кабинете, ни в парламенте. Все люди были или казались в восхищении от успехов, достигнутых их страной, и были довольны министерством, которое превзошло их самые горячие желания и заставило устыдиться зависть. Правда, был один эпизод, в котором проявились менее героические чувства... Он придает некоторое разнообразие рассказу, и проявившаяся в нем смесь человеческих страстей убедит потомство, что те бессмертные подвиги, которые описываются на следующих страницах, не суть проявления сказочного века». – *Примеч. авт.*

¹⁵ Вильям Питт Старший, впоследствии лорд Чатам, – самая выдающаяся фигура второй половины XVIII века в Англии. Первый министр и парламентский деятель. Он считается творцом колониального могущества Англии, ибо руководил политикой той эпохи, когда Англия сделала главные приобретения в Индии и Сев. Америке, отстранив Францию. Питт был врагом разрыва с Северо-Американскими Соединенными Штатами.

¹⁶ Rodney одержал ряд морских побед над испанским и французским флотами между 1780–1782 годами. – *Примеч. авт.*

¹⁷ Акадия и Канада были две французские колонии в Сев. Америке по течению реки Св. Лаврентия. Акадия соответствовала современному Новому Брауншвейгу и Новой Шотландии, а Канада – современной провинции Квебек.

хотя первая из них велась сначала против Испании, а другая – против собственных колоний, вскоре превращались в войну с Францией и оставались таковыми до конца.

Это один из тех общих фактов, которые мы ищем. Обыкновенно не замечают всего значения этого факта благодаря тому, что вся середина восемнадцатого столетия слишком неясно осталась в памяти. Англичане хорошо помнят, что как раз на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий у них были две большие войны с Францией; хорошо помнят и две другие войны, бывшие почти на рубеже семнадцатого и восемнадцатого столетий; но большая война между Англией и Францией, около половины восемнадцатого столетия, забыта; забыта и предшествовавшая ей война с Испанией, перешедшая в войну с Францией, и служившая заключением ее – война с Америкой, также перешедшая в войну с Францией. Эти войны группируются очень симметрично, и весь период выделяется как век гигантского состязания между Англией и Францией, нечто вроде второй Столетней войны. Действительно, в те времена и вплоть до эпохи, хорошо нам памятной, вечный раздор между Англией и Францией настолько казался естественным законом природы, что о нем даже редко говорили. Современные войны, сливаясь с неясным воспоминанием о Креси (1346), Пуатье (1356) и Азенкуре (1415),¹⁸ создавали в умах целых поколений впечатление, что война между Англией и Францией была всегда и всегда будет. Но это – несомненно ложный вывод. В шестнадцатом и семнадцатом столетиях Англия и Франция не были такими постоянными врагами. Оба государства часто находились в союзе против Испании. В семнадцатом столетии англо-французский союз был почти общим правилом.

Елизавета и Георг IV были союзниками, у Карла I была супруга-француженка, Кромвель действует заодно с Мазарини, Карл II и Яков II ставят себя в зависимость от Людовика XIV.

Но не было ли это постоянное возобновление войны с Францией в XVIII в. случайным, не есть ли оно прямое следствие близости Франции и неизбежности столкновений с нею? При тщательном изучении вопроса вы найдете, что это была не случайность и что войны связаны между собою как по внутренним причинам, так и по времени. Случайностью скорее является временное прекращение войны; возобновление же ее естественно и неизбежно. Правда, был за это время один долгий мир, продолжавшийся двадцать семь лет, после Утрехтского мира. Он был естественным результатом того истощения, в каком осталась Европа после войны за испанское наследство, которая, при сравнительно меньшей силе европейских государств того времени, почти равнялась великой борьбе с Наполеоном. Но зато все войны, следующие за этим перемирием, могут быть рассматриваемы как одна война, прерываемая случайными перемириями. Во всяком случае, три войны между 1740 и 1783 годами: война за австрийское наследство, Семилетняя война и американская война, поскольку они суть войны между Англией и Францией, тесно связаны между собою и составляют как бы военную трилогию. Я обращаю ваше особое внимание на это обстоятельство потому, что эта группа войн, если мы будем рассматривать ее как одно событие, объединенное великой целью и результатом, дает нам ту руководящую черту, которой так недостает этому периоду. Только слепота и извращенность понятий заставляют нас не замечать всей грандиозности этой фазы английской истории и обращать наши взоры на мелкие внутренние происшествия, парламентские распри, партийные интриги и придворные сплетни. Восшествие на престол Георга III случайно совпадает с серединой этого периода, и нам кажется благодаря детскому способу распределения истории, что оно создает деление там, где в действительности никакого деления нет, а существует, наоборот, необыкновенно явная непрерывность. В парламентской и партийной политике вступление на престол Георга III действительно составляет значительную эпоху, английские же историки всегда предпочитают писать историю парламента, а не историю государства и народа: в результате мы ока-

¹⁸ Битвы XIV и начала XV столетий в войне между Францией и Англией, ведшейся преимущественно на почве Франции (Столетняя война – 1337–1453 годы).

зывается введенными в заблуждение и остаемся совершенно слепы к одному из величайших и самых достопамятных поворотов в английской истории. Я утверждаю, что эти войны представляют одну великую и решающую борьбу между Англией и Францией. Взгляните на факты. *De jure* первая из этих трех войн окончилась Ахенским договором в 1748 году, за которым последовал восьмилетний мир между Англией и Францией. *De facto* было вовсе не так. Каково бы ни было значение договора в Ахене в деле примирения других европейских держав, принимавших участие в войне, договор этот едва ли на минуту прекратил борьбу между Англией и Францией, ибо великий вопрос о границах английских и французских поселений в Америке, о пределах Акадии и Канады также горячо оспаривался после договора, как и до него. И оспаривался не только на словах, но и оружием, как будто война все еще продолжалась. Больше того: то же самое можно сказать и о споре из-за другой границы, вдоль которой в то время также встречались англичане и французы, именно на границе их владений в Индии. Замечателен факт, на который, однако, мало обращают внимания, что некоторые из наиболее достопамятных столкновений между англичанами и французами, из всех имевших место в течение их долгого соперничества, некоторые из классических событий в английской военной истории случились именно в эти восемь лет, когда между Англией и Францией номинально был мир. Мы все слышали, что французы построили форт Дюкенъ (Fort Duquesne) на реке Огейо, что английская Виргинская колония послала для нападения на него отряд из 400 человек под предводительством Георга Вашингтона, тогда еще совершенно молодого человека и британского подданного, что Вашингтон был окружен и принужден сдаться. Мы слышали также о поражении и смерти генерала Бреддока (Braddock).¹⁹ Еще лучше помним мы борьбу между Дюпле (Dupleix) и Клайвом (Clive)²⁰ в Индии, защиту Аркота и другие подвиги, результатом которых было основание британской Индийской империи. Все эти события составляли часть отчаянной борьбы за первенство между Англией и Францией – и что же? Большая часть из них случилась после Ахенского договора в 1748 году и до начала второй войны в 1756 году. Итак, мы имеем одну большую войну, начавшуюся в 1741 году или немного раньше и продолжавшуюся до Парижского мира в 1763 году, то есть около 20 лет. Она окончилась самым ужасным поражением, какое когда-либо в новейшие времена испытывала Франция, исключая 1870 год, – поражением, решившим судьбу Бурбонского дома. Но пятнадцать лет спустя, еще при жизни того великого государственного человека,²¹ который указал Англии пути к победе, Англия и Франция снова ведут между собою войну. Франция вошла в сношения с восставшими английскими колониями, признала их независимость и оказала им помощь войсками. Опять в течение пяти лет продолжается борьба между Англией и Францией и на суше, и на море. Но следует ли это считать совершенно новой войной или отголоском той, которая только что затихла? Ни для кого ни на минуту не было тайной, что Франция теперь мстит Англии в час бедствия за все, что претерпела от нее. Возмездием за потерю Канады было создание Соединенных Штатов. Выражаясь словами, сделавшимися со временем столь знаменитыми, «она призвала к существованию новый мир для того, чтобы восстановить равновесие в старом». Таким образом, эти три великие войны связаны между собою гораздо яснее, чем могло казаться с первого взгляда. Но насколько действительно тесна их связь, мы увидим лишь тогда, когда узнаем, каково основание вражды этих наций, и убедимся, что одно и то же основание служило под-

¹⁹ Здесь сообщается эпизод из столкновений за преобладание в долине Огейо. Поражение Вашингтона относится к 1754 году; смерть Бреддока имела место в следующем году, когда он во главе английского отряда шел осаждать тот же форт Дюкенъ.

²⁰ С именами Клайва и Дюпле связаны моменты самого острого периода борьбы Франции и Англии за Индию. Дюпле, с 1743 года губернатор Пондишери (французской колонии), прекрасный дипломат и большой знаток Индии, одерживает верх над Англией и создает для Франции громадный авторитет на всем юге Индии, пока с 1750 года не начинается война с Англией, особенно прославившая Клайва (его знаменитая защита Аркота в 1751 году). В результате могущество Франции сломлено, а англичане благодаря замечательной победе Клайва при Плесси (1757) над индусами окончательно утверждаютя в Бетоле. После этого Клайв принимает деятельное участие в деле расширения британской Индии и создания ее организации.

²¹ Лорда Чатама.

кладкой всех трех войн. При поверхностном взгляде это кажется не так. Война между Англией и Францией никогда не ведется исключительно между этими державами, а всегда перемешана с другими войнами, которые ведутся одновременно. Эти крайне сложные комбинации составляют характерную черту восемнадцатого столетия. Какое отношение, например, может иметь взятие Квебека к борьбе между Фридрихом и Марией-Терезией из-за Силезии? Эта запутанность отношений дает большой простор историческим ошибкам и преждевременным обобщениям. Спорный вопрос всегда может быть истолкован совершенно ошибочно; например, заметив, что в Семилетней войне все протестантские европейские державы были заодно, мы могли бы заключить, что протестантизм взял верх в Индии или в Канаде над католицизмом; но мы оказались бы на очень ложном пути.

Я уже сказал, что расширение Англии в Новом Свете и в Азии составляет формулу, суммирующую для нее историю восемнадцатого столетия. Теперь я говорю, что великая тройная война середины XVIII века – это великий, решительный поединок между Англией и Францией из-за обладания Новым Светом. Современники этого не понимали, да и позже это редко замечали. Объяснением этой второй Столетней войны между Англией и Францией, наполнившей восемнадцатое столетие, служит тот факт, что эти державы соперничали за обладание Новым Светом, а тройная война всей середины столетия явилась решающей кампанией в этой великой мировой войне.

Англия не потому овладела Северной Америкой, что нашла ее незанятой и что у нее было больше судов, чем у других наций, на которых она могла перевезти в Америку больше колонистов. Англия не отвоевала Америки у какой-либо другой державы, уже обладавшей ею, но у нее был конкурент в деле колонизации, – конкурент, который в некоторых отношениях опередил ее; конкурентом этим была Франция.

Говоря коротко, история Северной Америки сводится к следующему. Около того самого времени, когда Яков I дает хартию 1606 года на основание Виргинии и Новой Англии (1630),²² французы основывают несколько севернее две колонии, Акадию и Канаду, и снова около того самого времени, когда Вильям Пенн (Perm) получил от Карла II свою хартию для Пенсильвании, француз Ла-Саль (La Salle) совершает один из замечательнейших подвигов в деле открытий: прокладывает себе путь от Великих озер к истокам Миссисипи и, спустившись в лодках по всему течению громадной реки вплоть до Мексиканского залива, открывает обширную территорию, которая сейчас же делается французской колонией под названием Луизианы.²³

Таковы были взаимные отношения Англии и Франции в Северной Америке в то время, когда революция 1688 года открыла войну, которую я называю второй Столетней войной между Англией и Францией. Англия имела ряд цветущих колоний, тянувшихся от севера к югу вдоль восточного берега; Франция обладала двумя великими реками: рекой Св. Лаврентия и Миссисипи. Политический пророк, сравнивая положение двух колонизирующих держав во времена английской революции (и даже значительно позже) и замечая преимущество, сопря-

²² Хартии были даны впервые в царствование Якова I (1603–1625). Он дал в 1606 году хартию Лондонской компании, которая основала город Джоржстаун в Виргинии, выслав туда поселенцев. Позже, при Карле I, хартия на Виргинию была уничтожена, и эта Виргиния превратилась в колонию коронную, и тогда же ее северная часть была выделена под именем Мериленда. Вторая хартия была дана «Плимутской компании», которая основала колонию Плимут (1030 года) в области севернее Виргинии, получившей впоследствии название Новой Англии. В Новой Англии в продолжение XVII и XVIII веков возник целый ряд колоний и среди них Пенсильвания, основанная Вильямом Пенном (1683), сектантом. В 1669 году англичанами же южнее Виргинии была основана колония Каролина.

²³ Необыкновенно энергичный и неустрашимый Ла-Саль проделал целый ряд путешествий в Северной Америке, исследуя Великие озера. Самое его замечательное путешествие 1682 года, когда, проплыв с севера всю реку Миссисипи, он водрузил в ее устье французское знамя. Умер он в 1687 году, в поисках морского пути к устью Миссисипи из Франции. Луизиана занимала пространство от Миссисипи до Скалистых гор, гранича на западе с никому не принадлежавшими пространствами, а на востоке – с Виргинией и Каролиной. Луизиана (как французская колония) просуществовала до 1806 года, когда была продана Наполеоном Соединенным Штатам.

женное с владением двумя такими реками, имел бы полное основание предсказать, что Северная Америка сделается скорее достоянием Франции, чем Англии.

Для нас в высшей степени важно заметить, что в тот век Франция и Англия не только в Америке, но и в Азии продвигались бок о бок. Завоевание Индии английскими купцами кажется единственным в своем роде и сверхъестественным; но мы сильно ошибемся, если предположим, что было нечто специфически английское как в оригинальности самой идеи, так и в энергии, с которой она была приведена в исполнение. Что касается плана покорения Индии, то он был задуман французами; французы первые заметили, что покорить ее возможно, и нашли способ, как это сделать; французы первые принялись за дело и до известной степени приблизились к осуществлению задуманного плана.

Действительно, в Индии они гораздо сильнее опередили англичан, чем в Северной Америке. В Индии англичане с самого начала чувствовали их сравнительное превосходство и сражались в духе отчаянной самозащиты. Изучая историю английского завоевания Индии, я нахожу, что англичан побуждало к нему не честолюбие и не желание расширить торговлю, а с начала и до конца, – то есть с первых усилий Клайва (Clive) и до того времени, когда лорд Уэльсли, лорд Минто и лорд Гестингс (Lord Wellsley, Lord Minto и Lord Hastings)²⁴ утвердили власть Англии над всем громадным полуостровом, – побудительной причиной английских операций был страх перед французами. За каждым движением туземных государств англичане видели французскую интригу, французское золото, французское честолюбие и, пока не овладели всей страной, не могли отделаться от чувства, что французы выгонят их оттуда, – чувства, унаследованного от времен Дюпле и Лабурдоне.²⁵

Итак, факт непосредственного состязания из-за приза неисчислимой стоимости вполне достаточно объясняет, почему возгорелась между Англией и Францией вторая Столетняя война. Этот факт является коренной причиной войн, хотя истинная почва раздора не всегда была ясна даже для самих воюющих, а еще менее – для остального света. В этом веке, как и в других, между такими близкими соседями часто возникали случайные причины разногласия, сами по себе достаточные для объявления войны, и только в трех указанных войнах середины восемнадцатого столетия обе нации открыто и сознательно воевали из-за вопроса о Новом Свете. В предшествующих войнах – в войнах Вильгельма III и Анны – другие причины действуют сильнее или, во всяком случае, не менее сильно: раздоры из-за Нового Света тогда еще не достигли достаточного напряжения. В последующих войнах, т. е. в тех двух, которые следовали за французской революцией, вопрос о Новом Свете опять отодвигается на задний план: к этому времени Франция уже окончательно выпустила из своих рук и Америку, и Индию; она может только делать отчаянные попытки вновь завладеть ими. Но в трех войнах, между 1740 и 1783 годами, Англия и Франция борются исключительно из-за Нового Света.

В первой войне успехи их почти равны; во второй – Франция получает роковой удар: в третьей – она замечательным образом мстит за полученное унижение. Это знаменательная глава в истории Великой Британии, ибо это первая великая борьба, в которой империя сражается как одно целое, и колонии вне Европы не только идут на буксире за метрополией, но сами принимают активное и руководящее участие. Нам следовало бы отчетливо отметить это событие в календаре восемнадцатого столетия. Главнейшие и самые решающие моменты этой борьбы относятся ко второй половине царствования Георга II.

---

²⁴ Три наиболее деятельные генерал-губернатора Индии из английских аристократов. Лорд Морнингтон, маркиз Уэльсли (1798–1805) – основатель английской политики приобретений индийских владений; он окончательно сокрушил влияние французов в Индии (борьба с Тину), вел особенно важную вторую Мараттскую войну и очень расширил владения Англии и на юг, и на северо-запад. Лорд Минто (1807–1813) и лорд Гестингс (1814–1823: его не надо смешивать с Уорком Гестингсом) были преемниками Уэльсли в его политике приобретений.

²⁵ Французский генерал, главный помощник и исполнитель предначертаний Дюпле, восполнявший своими военными способностями их недостаток у Дюпле.

Но и в предыдущих войнах с Людовиком XIV, и в позднейших – против французской революции, как выясняется при внимательном изучении, истинным яблоком раздора между Англией и Францией, гораздо в большей степени, чем можно было предполагать, являлся Новый Свет. Колониальный вопрос все больше и больше разрастался в течение всего семнадцатого столетия, тогда как другой жгучий вопрос того века – спор между двумя вероисповеданиями – отступал на задний план. Так, читая о войне Кромвеля с Испанией, мы задаем себе вопрос: на кого нападает Кромвель – на великую католическую державу или на обладательницу Нового Света. В том же веке две великие протестантские державы, Англия и Голландия, которые должны были бы в интересах религии идти рука об руку, оказываются ведущими жестокие войны, как две соперничающие колониальные державы. Открытие и заселение Луизианы в 1683 году выдвигает Францию в первый ряд колониальных держав – и что же? Через шесть лет после этого начинается «вторая Столетняя война» между Англией и Францией.

В первой из этого рода войн, хотя ее и называют в истории Северной Америки «первой междуколониальной войной», колониальный вопрос не играет большой роли. Он явно выступает во второй войне – в войне за испанское наследство. Название это не должно вводить нас в заблуждение. Много говорилось о жестокой гибели людей и богатств, бывшей результатом вмешательства Англии в совершенно ей чуждый испанский вопрос и ее страха перед призраком французского преобладания, – страха, не имевшего в себе ничего реального. Много говорилось о том, насколько лучше было бы для Англии посвятить свои силы цивилизаторскому делу – торговле. Однако прочтите у Ранке²⁶ о том, как возгорелась эта война, и вы найдете, что именно торговля и вовлекла Англию в нее. Испанское наследство касалось Англии уже потому, что Франция грозила, утвердив свое влияние в Испании, наследовать ее монополию в Новом Свете и безвозвратно преградить доступ в него Англии. В связи с этими крупными практическими результатами этой войны для Англии явились колониальные успехи: завоевание Акадии и договор – ассиенто,²⁷ после которого Англия впервые сделалась державой, ведущей в больших размерах торговлю невольниками.

Точно так же и в английских войнах против французской революции и Наполеона обладание Новым Светом было всегда одной из основ вражды.

---

²⁶ Еще лучше в «Europäische Geschichte im 18-ten Jahrhunderte C. Noorden'a. – *Примеч. авт.*

²⁷ Ассиенто – договор, по которому Испания за определенное вознаграждение предоставляла право какой-либо державе монопольной торговли; в данном случае говорится об ассиенто 1711 года, которым Англия, в лице Южноокеанской компании, приобретала исключительное право ввоза невольников на 30 лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.